

Арина Холина

Прямо по замкнутому кругу

«ЭКСМО»

Холина А. И.

Прямо по замкнутому кругу / А. И. Холина — «Эксмо»,

В тридцать пять лет Андрей возглавлял крупную корпорацию. Еще несколько лет назад он и не мечтал о такой квартире, о романах с самыми красивыми девушками, об интервью в деловых журналах, о круизах на арендованной яхте, о членстве в закрытых клубах... Андрей не подозревал, что это случится именно с ним. Но он все-таки попался в ловушку: чем больше денег у него было, тем больше их ему хотелось! И вот результат! Он разорил целую компанию! Всего одна невыгодная сделка. Но зато какая! Внезапно он получает шанс начать все сначала. Но перед ним встает непростой выбор: жить полной жизнью, но умереть молодым или же год за годом бегать по замкнутому кругу?.. Только вот сделать этот выбор оказывается почти невозможно...

© Холина А. И.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Арина Холина

Прямо по замкнутому кругу

Михаил, менеджер по продажам, 25 лет: «Что лично я считаю трагедией? ... Ну, если честно... Моя девушка беременна. Да. Ей двадцать четыре. Она поняла, что будет ребенок, только на пятом месяце! Она, конечно, не модель... ну, в том смысле, что не тощая там какая-нибудь, поэтому было почти незаметно! Она хочет, чтобы я на ней женился, мол, она мало зарабатывает, и говорит, что я должен позаботиться о ребенке. Она тоже ребенка не хочет. Нам рано еще, понимаете? Ненавижу это дерьмо! Почему это случилось со мной?!»

Настя, журналистка, 22 года: «У меня висит живот. Я занимаюсь спортом, я вообще ничего не ем, но живот все равно есть! У меня такое сложение. Я ненавижу себя! У меня не было мужчины, но это, в принципе, не проблема... То есть... Я себя просто ненавижу. Я могу отжаться на пальцах пятьдесят раз, но пузо торчит, как у борца сумо! Это несправедливо...»

Арина, дизайнер одежды, 36 лет: «За пять лет мне трижды подтвердили диагноз „бесплодие“. А теперь я беременна. И у меня гепатит С. Отец ребенка... Это мужчина моей жизни, но он женат, и он – настоящий засранец. Жаль, я не записала, как он орал, когда узнал, что у меня гепатит. Он даже не приехал. Сказал, что приедет, но не соизволил. А я, извините, была тогда на четвертом месяце. Хорошо хоть, что у меня свой бизнес, а то бы я рехнулась. Заразили в дежурной стоматологии, понимаете? И я даже в суд на них не могу подать – ничего не докажешь! ...»

Никита, студент, будущий юрист, 20 лет: «Родители не дают мне денег на мотоцикл. Каждый день я приезжаю на Поклонную гору и стою там, как... нельзя матом? ...извините... как придурок! ... Черт! Они разве не понимают? Да ничего со мной не случится! И даже если я сломаю руку или ногу... я что, просто так сломать не могу? Можно вообще просто по улице идти, упасть и заработать перелом шеи. Так тоже бывает. И что, мне теперь из дому не выходить, да?»

Елена, продавщица, 52 года: «У меня рак поджелудочной. Если бы я знала, что такое случится, то жила бы по-другому. Вот это трагедия. Я уже привыкла к тому, что умру – это не так страшно, как кажется... ну, не знаю, для меня по крайней мере... но я ничего в жизни не видела. Работа, дом, дача и так по кругу. Вот о чем я жалею».

Глава 1

Если в один знаменательный день человек узнает, что его дом сгорел, его матери врачи подписали смертный приговор, банки разорились, ребенок попал в автомобильную катастрофу... Человек отчаивается и ругает жизнь, Господа Бога, Аллаха, Будду – но вообще-то он не знает, кого именно винить в том, что он попал под удар судьбы, а его жизнь теперь навсегда будет отмечена клеймом страшной трагедии.

В отличие от всех этих несчастных, Андрей Панов точно знал, кто виноват в том, что с ним произошло.

Виноват он, Андрей Панов.

Он сам разрушил свою жизнь. У него было все, о чем только можно мечтать (кроме разве что яхты, самолета, Жизель Бундхен и личного конкурса «Мисс Мира»).

А теперь у него нет даже надежды.

Он раздавлен.

Раньше он думал, что переживет все, что угодно. Считал себя сильным. Но тогда на него не падала с высоты десяти тысяч метров бетонная плита.

А самое главное, что в жизни больше нет ни малейшего смысла.

Он был у психолога. Ходил в церковь.

Смысл не появился. Как будто за несколько недель кто-то съел его душу, и сейчас он, Андрей Панов, представляет собой лишь телесную оболочку – довольно жалкую, исхудавшую, с сухой кожей и мешками под глазами. Кажется, от него даже пахнет потом и перегаром.

Андрей приоткрыл один глаз и взглянул на часы. Восемнадцать часов три минуты.

С добрым утром!

Сегодня большой день. Самый важный в его жизни. Надо многое успеть.

Заварив кофе, Андрей отправился в спортзал – не очень просторную комнату с универсальным тренажером, беговой дорожкой, приспособлением для накачивания прессы и солярием. Двадцать минут в солярии – и кожа приобретает золотистый оттенок, скрывающий проблемы с психикой и здоровьем.

Вернувшись на кухню к остывшему кофе – он любил его пить едва теплым, – Андрей фыркнул и выплеснул напиток в раковину. Вместо этого налил коньяк и пошел в ванную комнату.

Пока наполнялось стеклянное джакузи, Андрей намазался двумя масками – питательной для лица с эффектом мгновенного восстановления и успокаивающей для глаз.

Прошелся по квартире. По любимой квартире, олицетворявшей его Эго. Темные дубовые полы. Красные стены в гостиной. Серые, с оттенком синего в двух других комнатах. Низкие замшевые диваны. Огромный телевизор. Брутально и стильно.

Ему здесь хорошо?

Трудный вопрос.

Он помнит, что радовался, когда купил квартиру. Потом был долгий ремонт и новоселье, затянувшееся на пару недель. В то время у него было особенно много женщин.

Андрей вернулся в ванную, смыл маски, намазал тело медом, вылил в джакузи полбутылки шампанского, включил «Просто прекрасный день» в исполнении Лу Рида, а не безголосых «Дюран Дюран», лег в ванну и закрыл глаза.

Когда это началось?

В тридцать пять лет Андрей уже четыре года возглавлял крупную корпорацию. Генеральный директор. Лет пять назад он и мечтать не смел о подобной квартире, о капризах: на чем поехать? – на BMW пятой серии, на антикварном «Мерседесе» SL – суперлюкс, на красном «Порше» с классическими круглыми фарами или же на черном пикапе «Ниссан Титан»?

Андрей тогда и помыслить не мог об интервью в деловых журналах, о девушках с длинными загорелыми ногами, о круизах на арендованной яхте, о гостиницах, недоступных простым смертным, о членстве в клубе «Квинтэссенциал»...

Андрей не подозревал, что это случится именно с ним. С кем-то другим – пожалуйста! Но он все-таки попался в эту ловушку, и чем больше у него было денег, тем больше их ему хотелось. Он должен был радоваться, но вместо этого сокрушался, что теперь, когда жизнь удалась, мечты сбываются, он, Андрей, стал самой жалкой козявкой среди тех, кто действительно значит что-то в этом мире. Раньше он был вершиной эволюции, королем среднего класса, но с новой должностью, новыми доходами появились не только новые траты, но и новые знакомцы, новый уровень жизни, другие правила игры.

Андрей очень гордился собой. Тем, что не сдается. Тем, что не останавливается на достигнутом.

Как же можно было так облажаться?

Он разорил компанию. Не напорточил, не доигрался, а разорил целую компанию. Всего одна невыгодная сделка. Зато какая! Возможно, они выкарабкаются, но для этого потребуется столько усилий, что ошибка Андрея войдет в учебники по экономике.

Конечно, совет директоров мог ему не поверить, но ведь он был таким убедительным и, если на то пошло, несколько исказил факты.

В расчете на успех Андрей спустил собственные сбережения в казино. Конечно, сбережений было не так уж много – большая часть ушла на оплату кредита за квартиру. Правда, если бы он не разошелся тогда в «Пальмах», самом «голливудском» казино Вегаса, мог бы заплатить последний взнос. А он не может. И в долг ему никто не даст – все знают о том, что он разорил компанию.

И он связался с этой сукой – Алиной... Это она потащила его в казино, тварь! Даша ушла навсегда...

Он позвонил ей, когда все уже было хуже некуда, а она ответила:

– Андрей, мне потом будет стыдно за мои слова, но я очень и очень рада, что у тебя все плохо. Ты это заслужил.

И повесила трубку.

Может, если бы хоть Даша осталась с ним, он бы попытался утешиться. Но у него ничего не осталось. Жить дальше нет смысла. Это была красивая, но не долгая жизнь, и умереть надо тоже красиво.

Ванна с шампанским, красная от крови вода, Лу Рид. Послезавтра придет домработница и найдет его. Он оставил письмо. Завещать ему, кроме костюмов от «Хьюго Босс», нечего. Разве что несколько украшений от «Барака» и «Картье». Их он попросил раздать на память тем людям, которых мог с большим преувеличением назвать близкими.

Сейчас. Опасная бритва готова. Он пьян в стельку.

Андрей взял бритву, два раза замахнулся наотмашь...

Его удивило, как все просто. Было даже почти не больно. Голова закружилась. Андрей закрыл глаза. Время смерти девятнадцать часов двадцать одна минута.

Но тут вдруг из динамиков вместо трогательного и грустного Лу Рида грянула полная энергии и вульгарного оптимизма «Я буду жить!» Глории Гейнер. Андрей подпрыгнул, поскользнулся, ушел с головой под воду, захлебнулся, вынырнул (топиться он не собирался), закашлялся... и, наконец, открыл глаза.

Напротив него, на диванчике от Филиппа Старка, сидел мужчина среднего возраста. Шатен с залысинами на лбу был одет настолько странно, что Панов на мгновение даже перестал беспокоиться о том, как этот тип оказался в его ванной. Брюки в полоску от костюма ручной работы, спортивная фуфайка с капюшоном от знаменитого Дона Эда Харди (рисунок – татуировка: сложная композиция из роз, черепов и драконов), хорошие кожаные сандалии,

а под ними – белые носочки с Гомером Симпсоном и финал-апофеоз – джинсовая куртка с крупными стразами.

В одной руке незваный гость держал бокал с шампанским – его, Андрея, шампанским, «Дом Периньон», в другой – вонючую сигару.

Шатен растянул губы в рекламной улыбке и помахал рукой.

– Привет!

– Вы кто? – оторопел Андрей.

В голову даже пришла мысль, что, возможно, самое худшее у него еще впереди. Он перевел взгляд на собственное тело. Выглядело оно неважно – из порезов все еще сочилась кровь, кожа побледнела.

– Я умер? – Голос у Андрея дрожал, но он решил, что стесняться этого в таких обстоятельствах глупо.

– В общем-то, да, – кивнул незнакомец. – Иди сюда, – поманил он Андрея.

Андрей попытался встать, но так как в джакузи растворилось примерно четыре литра его крови, сделать это ему не удалось.

– Я не могу, – сообщил Андрей.

– Попробуй еще раз. Поэнергичнее, – посоветовал шатен.

Андрей попробовал... и это оказалось очень неприятно. С него будто сдирали кожу, но боль была хоть и чудовищной, зато длилась мгновение. Андрей встал и с удивлением оглядел себя.

– Надо же... – пробормотал он. – Я думал, человек умирает, когда теряет больше трех литров крови.

Незнакомец кивком головы указал на нечто за спиной у Андрея. Тот обернулся и увидел... себя. Бледного и мертвого.

Андрей схватился за горло. Его мутило. Он даже не мог определить собственные ощущения как страх, панику. Мало того, что без тела он чувствовал себя одновременно и свободным, и незащищенным, его совершенно сбilo с толку новое, неприятное переживание, какое бывает, если человеку кажется (или же он твердо уверен), что сходит с ума.

– Я... – прохрипел он. – Что со мной?

– Ты не жив, и не мертв, – произнес незнакомец. – Считай, что все это нечто вроде сна. Так будет проще.

– Кто из нас двоих – я? Тот в ванне? – спросил Андрей.

– Ты веришь в бессмертную душу? – усмехнулся странный человек.

Один из Андреев, тот, что жил, дышал и боялся, задумался.

Он не знал. Душа... Иногда он ее чувствовал – когда стал генеральным директором и когда умирала бабушка, а в последнее время ему казалось, что души у него больше нет... Но в целом... Он редко об этом размышлял.

– Душа есть, – сказал блондин. – И сейчас я с ней разговариваю. Ты отделился от тела, и тебе даже было больно. Всегда бывает больно.

Андрею казалось, что все вокруг как будто выцвело, постарело. Тело умирает без души, но и душа без тела, хотя бы в первые мгновения, ощущает потерю. Душа привыкает, что тело помогает ей мыслить, чувствовать, жить, и сейчас Андрей, или то, что от него осталось, ощущал себя покинутым, обездоленным, несчастным. Чувства притупились – его даже не особенно удивляло все, что происходит. Ну, происходит и происходит – и что дальше?

Не выпуская из рук бокал и сигару, незнакомец встал, оказавшись на полголовы выше Андрея, подошел к нему вплотную и произнес:

– Мое имя Герман. Я пришел кое-что тебе предложить.

Андрей уставился на Германа.

– Вы – дьявол? – с трудом произнес он.

Герман закатил глаза и хмыкнул.

– Пойдем со мной, – велел он и ушел из ванной.

Андрей неуверенно двинулся за ним, очутился в темном коридоре... И тут вдруг дверь за его спиной захлопнулась – да так оглушительно, что Андрей подпрыгнул на месте, а уже через мгновение был ослеплен яркой вспышкой света.

– Глаза открой, – услышал он голос Германа где-то рядом.

Андрей послушно открыл глаза и обнаружил, что они находятся в кафе.

– Черт! – воскликнул он и прикрыл причинное место ладонками.

– Расслабься, тебя никто не видит, – усмехнулся Герман.

Люди действительно их не замечали.

– Вот! – Герман указал на дальний столик, за которым сидели две девушки.

Даша. Такая... несчастная.

Дерьмо!

Наверное, он был гадом.

– Присядем, – предложил Герман и направился к столу.

Было как раз два свободных места. Андрей и Герман устроились рядом с Дашей и ее подругой.

– Он просто урод! – говорила Даша подруге. – Почему так? Почему я любила его? С самого начала он мучил меня, спал с другими женщинами, обещал жениться, заставлял надеяться...

– Но ты же знала, что он придурок! – фыркнула подруга.

Даша поморщилась.

– Он не придурок... – с грустью произнесла она. – Он возвел эгоизм в культ.

– Да-а? – с издевкой отозвалась подруга. – А в чем разница?

– Разница в том, что он прекрасно понимал, что делает! – отрезала Даша. – В отличие от настоящих придурков, которые не ведают, что творят. У нас же был разговор... Андрей сказал, что либо я принимаю его таким, какой он есть, либо ухожу и не насилюю ему мозг. Он знал, что ведет себя, как задница, что мне больно, плохо, но он ничем не хотел жертвовать... ради нас...

– Да не было никаких «вас»! – разозлилась подруга. – Была ты со своими идиотскими надеждами, и он... Он знал, что Даша всегда рядом, что ее всегда можно поманить на сахарочек, и она прибежит, вся такая наивная... Черт... Неужели ты его так любила?

– Как «так»? – передразнила Даша. – Я его просто любила...

Герман покосился на Андрея.

– Что?! – рявкнул тот. – Я знал, что она меня любит.

– И он меня любил, – прошептала Даша. По щеке у нее скатилась слезинка.

– Ага! – усмехнулась подруга.

– Любил? – полюбопытствовал Герман.

Андрей познакомился с Дашей полтора года назад на дне рождения своего друга. Отмечали на природе, всего человек десять, и сестра друга привезла приятельницу, Дашу. Андрей был недоволен – вместо того, чтобы отдохнуть где-нибудь на частном пляже в Серебряном Бору, он проводит время на общественных угодьях Клязьменского водохранилища. Да и компания подобралась унылая: две супружеские пары – слава богу, без наследников. Одна из жен все время рассказывала о миланских распродажах, как будто надеялась кого-то этим удивить, а другая в тридцать три года выглядела на пятьдесят и носила пятьдесят второй размер одежды.

Мужчины обсуждали Путина и Буша, а также девиц из группы «Виагра», и если бы не Даша, Андрей сошел бы с ума.

– Какая пошлость! – воскликнул он, когда они отошли подальше и сели у берега.

– Обычные простые люди, – ответила Даша.

– Убежим? – поинтересовался Андрей.

Даша немного испугалась.

– Прямо сейчас? – она сделала большие глаза.

– Нас никто не видит! – убеждал Андрей. – Ну, давай же...

И они сбежали. Оказалось, правда, что все видели, как они, на полусогнутых, драпают подальше от пляжа, но это никого не обидело, а развеселило – все эти скучные друзья детства радовались тому, что Даша с Андреем нашли друг друга.

Он уложил ее в койку в первый же вечер. И самое интересное, что ему не очень-то и хотелось. Просто Андрей так старался показать Даше, как сильно он отличается от своего прошлого – в лице друзей детства, так блистал остроумием и изящными манерами, что жаль было ничего этим не добиться. К тому же Даша смотрела на него, как на идола, млела и готова была отдаться прямо в машине.

Она влюбилась. А он всю ночь проклинал себя за то, что забыл надеть презерватив. Было неплохо, но... Милая светлая девочка. Такие плохо разбираются в сексе. Он уже вычеркнул было Дашу из памяти, как позвонил тот самый друг детства, у которого был день рождения, и рассказал, кто у Даши папа, где она учится и какие у нее перспективы. И Андрей смилиостивился. Он позволял Даше себя любить, ухаживать за собой, спать рядом, терпеть его измены, прощать несостоявшиеся свидания.

Он знал, что Даша – хорошая. И что она была бы замечательной подругой. Но он не мог отказаться от блестящих возможностей – всех этих новых, красивых, веселых женщин, вечеринок, спонтанных выходных в Лондоне, Амстердаме... О том, чтобы ходить на вечеринки вдвоем не могло быть и речи.

* * *

Андрей пожал плечами:

– Любил... В определенном смысле. Мне просто это было не нужно.

– Я так надеялась... – слезы текли у Даши по щекам. Подруга протянула ей салфетку. – Что он изменится... Ему тридцать пять лет и, кроме меня, у него не было ни одного близкого человека...

– Таким, как он, не нужны близкие люди, – сказала подруга. – Они понятия не имеют, что такое близость. Он гад, Даш, выкинь его из головы.

– Ага, – кивнула Даша. – Выкину.

– Как это? – опешил Андрей. – Вот так возьмет и выкинет?

– И даже на похороны твои не придет, – не без злорадства уточнил Герман.

– Ну ни фигя себе! – возмутился Андрей. – Все бабы – суки!

Герман расхохотался.

– Пошли, умник! – распорядился он, поднимаясь со стула.

Они вышли из кафе, и опять – хлопок, вспышка света... и вот они уже в квартире у Алины. От таких перемещений Андрея немного подташнивало, но он слишком устал, чтобы всерьез удивляться.

У Алины была скромная вечеринка: суши, вино, две подружки и мальчик-гей.

– Да он, блин, просто лох! – хохотала Алина. – Хотел на мне жениться!

Подружки рассмеялись.

– Псих! – заявила одна. – Ну, где ты и где он?

– Вот! – Алина вытянула руку и показала кольцо, которое ей купил Андрей. «Булгари», двенадцать тысяч евро. – Его максимум.

– Ты, Алина, корыстная жаба... – томно произнес мальчик-гей.

Алина легонько его шлепнула.

– Никакая я не жаба, – сказала она. – Просто смешно... Да я в месяц на ногти больше трачу, чем стоит это кольцо! Но дело даже не в этом. Ну, Андрей, ну, Панов... И что? Он скучный, как салат из редиски!

– И еще потом отрыжка! – добавила одна из подружек.

– Уж не без этого! – усмехнулась Алина. – Он просто меня достал! Мне даже появиться с ним на людях стыдно было... Он же клерк! Все бы подумали: «Плохи дела у Алиночки, раз уж она взялась за менеджеров»...

– Ой, ну, Алин, ты сейчас рассуждаешь, прямо как содержанка... – вздохнул гей.

– Да ну тебя, зануда! Сколько ты членов отсосал ради своего «Кайена», а?! – И Алина бросилась щекотать мальчика-гея, который завизжал, задержался и заорал дурным голосом:

– Ничего я не сосал! Я его сам... этими руками... – он вытянул руки. – Заработал!

– Ты меня подстрижешь? – Алина сделалась серьезной.

– Да пошла ты на фиг, проститутка! – Мальчик надул губки. – Тебя бы под ноль остричь и на зону, за грехи твои, к злым потным лесбиянкам!

Они опять завозились, пока подружки не предложили выпить еще шампанского и обсудить, кому в какой цвет красить волосы.

* * *

После знакомства Даша прожила у Андрея целую неделю. Он ненавидел ее и злился на себя за то, что не может выгнать ее вон. Она была такая нежная, ласковая, податливая, что он никак не мог найти подходящий случай, чтобы отказать ей от дома.

Даша ходила в магазин, готовила, делала ему массаж – и была счастлива, а он задыхался.

Это было очень и очень глупо, но он ее обманул: сказал, что уезжает в командировку. Даша рвалась в аэропорт, и ему пришлось снова врать, что водитель заболел, поэтому он едет на своей машине и не может допустить, чтобы Даша осталась одна в аэропорту и возвращалась с местными таксистами или еще хуже – на общественном транспорте...

И когда она сдалась и пролепетала, что будет ждать его, ждать и скучать, Андрей понял, что ждать и скучать она намеревается в его квартире. Честное слово, он готов был ее убить. Схватить за волосы и вытащить на улицу. Спустить по лестнице и еще плюнуть с балкона.

Но он лишь жизнерадостно сказал:

– Даш, тебе нужно вещи собрать.

Она посмотрела на него с недоверием:

– Ты хочешь, чтобы я поехала с тобой?

И он сорвался:

– Да я хочу, чтобы ты ушла из моей квартиры, еб твою мать! Ты что, не понимаешь, что это ты здесь живешь, а не мы с тобой и теперь уже даже не я? Я наврал тебе – нет никакой командировки, я просто хочу, чтобы ты убралась отсюда!

Он много еще чего говорил, а потом попытался смягчить тон – обвинял, что она на него давит, что его не спросила, что сама здесь поселилась, что они так не договаривались... Андрей собрал ее вещи, отвез вместе с ней домой, а потом отправился в «First» и встретил Алину. Он был так опьянен свободой, что не побоялся снять эту телку, какой бы крутой она ни казалась.

В девяностые Алина была очень популярной певицей. По крайней мере, она такой себя считала. Тошная, наглая, мускулистая. Она ездила по Москве на «Хаммере», выступала в кожаном лифчике и кожаных шортах, демонстративно появлялась в обнимку с подружкой-лесбиянкой...

У нее были романы с самыми-самыми: актеры, режиссеры, певцы, продюсеры, главные редакторы журналов, один симпатичный политик... А потом она вышла замуж за какого-то

французского миллиардера и уехала жить в замок. Написала автобиографический роман из серии «Сквозь тернии к звездам», где подробно описала, с кем, где и как занималась сексом, выпустила эротический фотоальбом, развелась и уехала в Австралию заниматься серфингом. В Австралии познакомилась с известным голливудским актером второго плана, с которым жила два года, разорила какого-то музыкального продюсера из Нью-Йорка и вернулась в Москву ничуть не изменившейся, такой же молодой и красивой. По слухам, во Франции у нее остался ребенок.

Петь она больше не пыталась – денег у нее было завались.

Андрей угостил Алину шампанским, смеялся над ее шутками, позволил всем ее подружкам потрогать свой пресс – его гордость, ровные кубики, а ночью три раза подряд довел Алину до оргазма. На следующий день он купил ей смешной «Купер»-кабриолет. Он дарил ей подарки каждый день. Шуба. Кольцо. Серьги. Лас-Вегас.

Алина оказалась азартным игроком – правда, за чужой счет. Вместе они спустили сто тысяч долларов. Еще столько же он потратил на нее.

А она его стеснялась.

* * *

– Уходим! – велел Герман.

Они вышли в прихожую и... очутились в ресторане, где Андрей имел обыкновение собираться с друзьями.

– Черт, Панову хана, – сокрушался Петя, такой же, как Андрей, топ-менеджер.

В сострадании Пети был и страх за себя – «от сумы и от тюрьмы не зарекайся», и восторг – одним конкурентом меньше, и немного искреннего сочувствия.

– Предсказуемый финал, – усмехнулся их приятель Сергей, банкир. – Ты сам подумай! Зарвался Панов.

– Ну, не совсем... – смутился Петя.

– Да ладно! – В голосе Сергея было столько снисхождения, что Андрея передернуло. – Не сопоставил свои возможности со способностями.

– В чем-то ты прав... – вздохнул Петя. – Андрея, конечно, занесло маленько...

– Нет, ну ты подумай – кому придет в голову связаться с Алиной?! – воскликнул банкир-всезнайка.

– Гм-м... – задумался Петя.

– Алина – тигровая акула! – пояснил Сергей. – Даже я ее не потяну, а Андрей решил, что справится. Да Алина – это так, деталь... Я тут с ним разговаривал полгода назад, мы обсуждали дома в Испании. Андрей облизывался на особняк за пятьсот тысяч, а месяц назад уже воротил нос от виллы за полтора миллиона! Ты подумай! – Сергей в который раз выдал любимую присказку. – Надо же понимать, камо грядеши... [Куда идешь? (*црк. – слав.*)] Вот и все. Ты на «Металлику» собираешься?

Вот так. Пять минут на Андрея Панова, десять – на «Металлику», четверть часа – на айфон и с полчаса – на критику нового «Инфинити».

Андрей закрыл глаза. Голова закружилась.

– Очнись! – услышал он голос Германа.

Они были в его гостиной. Андрей сел на диван, опустил голову.

– Чего ты хочешь? – спросил он демона.

– Доволен ты своей жизнью? – усмехнулся Герман.

– Я так доволен жизнью, что покончил с собой! – отрезал Андрей.

– Ну... – демон с шумом втянул воздух. – А не хотел бы ты... скажем... начать все сначала?

– С какого начала? – повторил за ним Андрей. – С детства?

– Зачем с детства?! – удивился Герман. – С того момента, когда все пошло не так. Когда это случилось?

Андрей задумался. Полгода назад ему предложили ту самую роковую сделку. Он согласился, убедил совет директоров и... сорвался. Возомнил себя богом. До заключения договора он чувствовал себя неудачником, последним среди первых и жаждал власти, признания, несметного богатства, но это были только мысли, ощущения, переживания... К решительным действиям он приступил шесть месяцев назад.

– Значит, ты бы хотел вернуться к первому апреля? – вкрадчиво поинтересовался Герман.

– Я лично ничего не хочу, – Андрей сделал независимое лицо и, сложив руки на груди, откинулся на спинку дивана.

Но тут же вспомнил, что не одет, и снова скрестил руки на коленях.

– Ты не умер, – сказал Герман. – Время остановилось. У нас осталось две минуты в запасе. Решение надо принимать быстро. Спустя сто двадцать секунд бритва полоснет по венам, и тебя найдут через неделю, когда домработница вылечится от гриппа. Ты будешь выглядеть не столь импозантно, как предполагал.

– Какая разница? – улыбнулся Андрей. – Благодаря тебе я знаю, что душа существует, а значит, все остальное неважно. А вот что действительно важно, так это то, чего ты добиваешься. Если ты, Герман, демон, то я что, должен продать тебе душу?

– Нет, – ответил Герман улыбкой. – Пока что у тебя есть два варианта. Ты умрешь и отправишься в ад. Во второй круг... или третий... В общем, все это довольно грустно. Но ты можешь заключить со мной сделку и вернуть свою жизнь, а взамен я попрошу тебя время от времени выполнять незатруднительные поручения. Мелочь! Ты и не заметишь. Иногда надо будет приехать в какой-нибудь клуб, попросить зажигалку у симпатичной девушки, заказать ей коктейль, поговорить немного и уйти. Иногда – и того проще! – закрыть машиной чужой автомобиль на стоянке.

Андрей молча смотрел на демона.

– Что? – хмыкнул Герман.

– И все?

– И все. Но я не хочу тебя обманывать – это не так уж и мало. Вся наша жизнь – череда мелочей.

И вдруг Андрею очень захотелось еще пожить. Это так заманчиво – прожить полгода, все зная наперед. Удивительная возможность. А потом... Он разберется с этой сучкой Алиной и сделает так, чтобы умник Сережа пожалел о том, что сказал сегодня вечером. Даже если это предсмертная агония, видения, то он ничего не теряет.

– Двадцать секунд, – напомнил Герман.

– Согласен! – воскликнул Андрей.

– Руку! – Герман вскочил и протянул ему руку.

Андрей вложил ладонь в руку демона, и его мышцы свело от боли. Боль пульсировала в голове, обжигала кожу и ломала кости. Он провалился в черную пустоту. И вдруг в этой темноте послышался ненавистный пульсирующий звук. Андрей открыл глаза и увидел перед глазами огненные линии, которые постепенно сложились в красные цифры «08.00».

Глава 2

Каждый день он просыпается в восемь. Умывается, мажет лицо маской с витаминами, выпивает стакан свежего апельсинового сока, с четверть часа занимается на беговой дорожке, принимает душ, увлажняет лицо кремом, укладывает волосы, пьет кофе с круассаном с мало-сольной семгой и салатом и уходит на работу, согласовав с домработницей Татьяной Ивановной меню.

Сегодня обычный день или... особенный?

Возможно, вчера он перебрал спиртного, и вся эта история ему привиделась. В этом случае стоит всерьез задуматься о последствиях белой горячки. Или же ему приснился кошмар – правдоподобный, внедрившийся в душу, от которого нелегко отделаться даже наяву.

В любом случае это ничего не меняет: вчера он собирался покончить с собой.

Хорошее настроение, длившееся секунд двадцать, мгновенно испортилось, и не испортилось даже, а превратилось в болезненную депрессию с острым желанием завершить начатое вечером.

Это была горячка. Чудес не бывает, как бы ни хотелось. А если и бывают, то происходят они всегда с другими людьми – в шоу «Битва экстрасенсов».

Андрей встал и голый поплелся на кухню. Может, там найдет, чем отравиться...

– А-ааа! – заорал Андрей.

– А-ааа! – вторила ему Татьяна Ивановна.

Андрей схватил кухонное полотенце и прикрыл наготу. Полотенце было мокрым и не очень чистым, что привело Андрея в раздражение. Просил ведь Татьяну не приходить сегодня!

Он нахмурился. Домработница смотрела на него так, будто он уже привязал ее к кровати железными цепями, а сейчас, поигрывая отверткой, спрашивает, под какую музыку она предпочитает долго мучиться от невыносимой боли. Такое лицо у Татьяны Ивановны бывало, когда она разбивала чашку, тарелку или выкидывала вилку в помойку. И еще когда капнула отбеливателем на коврик в ванной, оставив на нем радужное пятно.

– Что случилось? – поинтересовался Андрей.

Глаза ее наполнились слезами.

– Татьяна Ивановна... – строго начал он.

Домработница без лишних слов протянула вперед руку, в которой держала небесно-голубой шерстяной комок.

– Никуда не уходите! – распорядился Андрей и бочком, чтобы не усугублять ситуацию сиянием голый задницы, протиснулся к выходу.

Побежал в сторону ванной, но решил, что это слишком далеко, вернулся в спальню, опрокинув что-то по дороге, выкинул из гардероба три полки с трикотажем, но так и не нашел спортивные штаны. Пришел в отчаяние, пнул шкаф, схватил брюки от делового костюма, влез в них и, на ходу застегивая «молнию», возвратился на кухню.

Татьяна Ивановна тут же вернулась в исходную позицию – вытянула руку и взглянула на Андрея с мольбой. Андрей забрал у нее комок, опознав недавно купленный свитер из чистого кашемира, который обошелся ему в целое состояние. Эта дура постирала его в машинке с горячей водой и теперь от свитера остались только чек и пакет.

Но самое интересное заключалось в том, что купил он его двадцать восьмого марта, а второго апреля эта курица свитер угробила, и случилось разбирательство, и угрозы вычесть стоимость из зарплаты, и слезы домработницы, и клятвы... А вчера было второе октября.

А это значит...

– Хрен с ним, со свитером, Татьяна Ивановна, – сказал Андрей. – Дайте я вас лучше обниму...

И он прижал к себе всполошившуюся домработницу, которая от таких душевных щедрот совершенно расстроилась.

Андрей с тоской посмотрел на бутылку виски, что стояла на столе. Переварить случившееся без алкоголя было невозможно. Но и заявиться на работу к десяти утра с запахом легкого, но свежего перегара было бы неумно.

И Андрей позвонил знакомому человеку.

– Толик, есть чего? – поинтересовался он.

– Андрей, ты с ума сошел звонить в такое время? – пробурчал знакомец.

– Не гони! – усмехнулся Андрей. – Ты еще и не ложился...

– И что с того?

– Ты в центре?

– Ну, – ответил мрачный Толик.

– Приезжай ко мне, не обижу! – обнадежил Андрей.

– Втройне! – Толик, конечно, проявил несусветную наглость, но Андрея сейчас такие мелочи не беспокоили.

– Не вопрос! – обрадовался он и заручился обещанием Толика объявиться через полчаса.

Переговоры по телефону совершенно его вымотали: сердце часто-часто билось, руки дрожали, а дыхание превратилось в мучительный и сложный процесс.

Андрей добрался до ванной, где попытался отвлечься на рутинные процедуры: надо умыться кремом-пенкой, сделать увлажняющую маску, почистить зубы... Но, похоже, всему нужно учиться заново – Андрей озадаченно разглядывал тюбики и флаконы, пока, наконец, не осознал, что уже минут пять читает состав зубной пасты.

В дверь постучали.

– Андрей, к вам пришли, – пропищала Татьяна Ивановна.

Она была из тех, кто не умеет повышать голос. Если случалось крикнуть – без злости, раздражения, просто позвать Андрея к телефону, домработница брала высокие ноты, сипела, визжала, но ни в коем случае не кричала.

Андрей встретил Толика, пообщался с ним пару минут, после чего заперся на своей замечательной террасе и раскурил лучшую в мире траву. Как только реальность стала такой же странной, путаной и невыносимой, как и его внутренний мир, он почувствовал облегчение. Это было правильное, взрослое решение – позвонить дилеру и одурманить себя с утра пораньше.

Андрей потянулся на шезлонге. Апрель был необыкновенно теплый, и все же не настолько, чтобы загорать, но двигаться, суетиться ради того, чтобы прикрыть от ветра обнаженный торс, было, по меньшей мере, глупо. И пошло.

Неожиданно все вдруг стало таким ясным и очевидным...

Он – король мира!

Если все правда – и у него все же не было ни белой горячки, ни бреда, ни иного помутнения рассудка, тогда он, Андрей Панов, знает наперед, что случится с ним в ближайшие полгода.

Двенадцатого апреля пройдет гроза, о которой будут вспоминать долгие годы. Нужно поставить машину в гараж – иначе на его любимца «Порше» рухнет тополь.

Второго мая разобьется рейсовый самолет Москва – Анкара. Пятнадцатого Андрей попадет на Кутузовском в пробку и не успеет на деловую встречу – надо выехать пораньше.

«О боже, боже...» – думал Андрей.

Он – счастливчик.

В приподнятом настроении он ворвался на кухню и рявкнул:

– Татьяна Ивановна!

Вышло громко и нелепо – куда-то исчезла координация между мыслями и действиями.

Домработница к тому времени совершенно успокоилась на предмет загубленного свитера. Андрея уже не первый раз удивляли дружеские отношения домработниц с совестью –

угроза расплаты их так пугала, что они рыдали, стопками употребляли валокордин, обещали, что сын или дочь будут отказывать себе во всем, даже в лекарстве от астмы, только бы расплатиться... Но стоило даровать им прощение, как они немедленно принимались с пылом бить посуду, стирать цветное белье с белым, протирать «Кометом» антикварную мебель – и милосердная совесть не мучила их, пока их не ловили с остатками фарфора «Ville– roys Boch», который они пытались выкинуть из окна. Андрей считал себя демократом. С Татьяной общался на равных. Но эта странная ее особенность опровергала всю его систему либеральных ценностей и принуждала время от времени вести себя как рабовладелец.

Татьяна Ивановна с укором взглянула на Андрея.

– А нет ли у нас... пирога? – поинтересовался он.

– Пирога? – растерялась та. – А вы заказывали...

– Нет! – Андрей замахал руками. – Просто я решил, что вдруг... ну, совершенно неожиданно, случайно, по воле судьбы... пирог все-таки есть! Представляете, как замечательно проснуться утром и обнаружить теплый пирог с капустой! В постели. Я бы проснулся и обнял его, – и он захихикал. – Можно как-то так рассчитать, чтобы поставить вечером в духовку сырой пирог, и чтобы утром он только- только приготовился?

Татьяна Ивановна, кажется, немного испугалась.

– Нет, пирога нет, но если вы скажете...

– Да ладно! – Добрый Андрей улыбнулся очень дружелюбно. – А давайте закажем пиццу?!

– Пиццу? – Татьяна Ивановна, кажется, утратила способность понимать родную речь.

– Все! – Андрей поднял руки, как бы говоря «сдаюсь». – Не надо пиццы. Куплю по дороге. Отличную пиццу с сочными, жирными тигровыми креветками, рукколой, на средней подошве. Да, Татьяна Ивановна?

Та лишь кивнула.

Добравшись до ванной, Андрей с восторгом огляделся. Джакузи, душевая кабина, сауна... Мысли о горячей воде, геле с ароматом морского бриза и чего-то парфюмерного от «Кензо» щекотали душу в предвкушении наслаждения.

По рассеянности не сняв брюки, он встал под душ и пустил воду. Выяснилось, что мыться в одежде весьма приятно. Андрей от души повеселился, намылив пеной брюки от «Поль Смит» и протерев их мочалкой. Он никак не мог понять, сколько же времени провел в ванной, но все это сейчас представлялось такими пустяками...

Из дому он выбрался без четверти десять, предполагая опоздать на работу и ничуть по этому поводу не беспокоясь. Может, и работы-то никакой нет. Может, ему все снится.

– Что за запах такой? – поморщился таксист.

Андрей устроился на заднем сиденье и все ерзал, не понимая, как люди ухитряются выжить в этих российских машинах, в которых и прямо-то толком не сядешь – голова упирается в потолок. Андрей уставился на свою сигарету и сообразил, что только что прикончил остатки травы. Это было зря. Мягкий приход немедленно превратится в жесткий загруз, но Андрей ничуть не огорчился.

– Понимаете... – каким-то странным голосом произнес он. – Купил сигареты в ларьке, и они вот явно поддельные, пахнут соломой... Если не хуже! Неизвестно еще, что производители туда запихивают! Помните, в детстве были истории о бритвах в жвачке? Смерть советским детям? Ха-ха-ха! Может, в сигаретах отравы, яд, или наркотики, или так, какая-нибудь крапива с пестицидами...

– С пестицидами? – удивился водитель.

– Ну да, – подтвердил Андрей. – О чем я сейчас говорил?

Пока Андрей корчился от смеха (это ведь очень весело – напрочь позабыть о чем только что рассказывал), таксист поддал газу и довез его до работы за рекордный срок.

Очутившись на улице, Андрей растерялся. Он уже привык ехать в машине и не понимал, что сейчас надо делать. Его прекрасный мир был полон неожиданных и серьезных проблем – нужно, во-первых, перейти улицу, во-вторых, войти в опасную крутящуюся дверь, преодолеть в лифте пятнадцать этажей...

– Настя! – Андрей позвонил секретарше. – Ты не могла бы спуститься?

Настя была около него минут через пять. Она с удивлением разглядывала босса, который выглядел странно: растрепанные волосы, черные очки, вместо рубашки – футболка...

– Насть, слушай, а почему ты вообще решила покрасить волосы в такой цвет? – произнес странный босс.

Это было очень важно – понять, отчего люди с таким типом лица, как у его секретарши, красят волосы в цвет воронова крыла. Это было делом всей его жизни – получить ответ на сей вопрос.

– Мне не идет? – обиделась Настя.

– Не-а... – Андрей покачал головой. – Он тебя старит.

Настя, казалось, была не просто оскорблена, но и шокирована тем, что начальник увидел в ней человека – пусть и с неудачным цветом волос.

– Не вешай нос, Анастасия! – Андрей потрепал ее по плечу. – Вот... – он достал бумажник и вытащил несколько купюр. – Иди в салон... – он всучил девушке визитку. – Скажи, что от меня и срочно! Дай руку! – Он взял Настю за руку. – Переведи меня через дорогу, – попросил он.

Секретарша старалась не смотреть на него, но послушно сопровождала к зданию, помогла прорваться через крутящиеся двери и усадила в лифт.

На работе все было как обычно. Никто ничего не знал об увольнении Андрея.

Кабинет у него был небольшой – они снимали офис в центре и теснились на четырех этажах (со второго по пятый). Первый этаж здания занимал женский журнал – два года назад их контора волновалась и предвкушала общество стильных красоток, но девицы из журнала оказались так себе – угрюмые, злые... Друг Андрея, Петя, исполнительный директор компании, считал, что это горе – от ума. Были бы тупые – вели бы себя веселее, но Андрею некогда было переживать за девиц и за несбывшиеся надежды. С девицами у него трудностей не было. А за Петю переживать он и подавно не собирался – тот вечно страдал из-за девушек, которые оказывались то слишком умными, то непроходимо глупыми, то жадными, то чрезмерно независимыми... Себя Андрей от такого рода метаний оградил стеной равнодушия: флирт в его случае вел лишь к одному – сексу. Так было проще и спокойней.

Петя зашел к нему без уведомления.

– А Настя где? – поинтересовался он.

– Я ее уволил, – вальяжно сообщил Андрей и закинул ноги на стол.

– Что? Почему? – заволновался Петя.

– Ладно-ладно! Пошутил! – хохотнул Андрей. – Отпустил к врачу.

Петя кивнул.

– К гинекологу, – продолжил Андрей. – Она вроде от меня беременна. Сделает аборт – тогда и уволю. Да пошутил я! – заорал он, прежде чем Петя свалился без чувств.

– Ну и шутки у тебя, извини... – выдохнул Петя. – Ужас какой-то... Ты почему в таком виде?

Андрей не удосужился снять очки, зная, что глаза его выдадут. Прищуренные красные глазки.

– У меня конъюнктивит, – сказал он.

Петя с недоверием уставился на него.

– Это одна из твоих знаменитых шуток? – уточнил он.

– Да какие уж там шутки... – вздохнул Андрей. – Глаза как ножом режет. Кошмар!

– Слушай, я тут хотел уточнить насчет сделки с «Кромвелем»... – забубнил Петя. Когда он через полчаса закончил, Андрей захихикал и сказал:

– Петя, прости, ты не мог бы повторить, а то я прослушал...

– Ты издеваешься? – ранимый Петя от возмущения даже вскочил со стула.

– Петь, ну, извини, забылся... – молил Андрей.

– Нет, ну это бред какой-то! – пыхтел Петя. – Что с тобой?

Андрей снял очки. Видимо, лицо у него было настолько выразительное, что Петя тут же присмирел.

– Ты под кайфом, что ли? – пробормотал он.

– Вроде того. Может, пойдем пожрем?

– Да ты что, в самом деле?! – вскипел исполнительный директор. – С ума сошел?

Андрей закусил губу. Приблизился к Пете.

– Вчера я говорил с самим сатаной... – прошептал он. – Я продал душу дьяволу, Петя...

– Ну, твою мать, честное слово! – взорвался Петр.

– Или, может, закажем сюда хавчик? – фантазировал Андрей. – Кстати, я не гоню про сатану.

– Панов, алло! – Петя постучал себя пальцем по голове. – Ты где?

Андрей вернулся в кресло.

– Какой-то ты неисполнительный директор... – пожаловался он. – Ты ведь должен исполнять все мои желания?

– Андрюха, может, тебе кофе выпить? – Петя всерьез разволновался. – Ты же не в себе...

– Какой кофе? – с поддельной тоской произнес Андрей. – Никакой кофе мне не поможет, дружок. Меня прет со страшной силой, и ни дна, ни берегов... Знаешь, я, пожалуй, пойду. А ты скажи там, что я отравился. Я же выгляжу, как отравленный?

– О, да, – согласился Петя.

Внизу, в лобби, Андрей столкнулся с Настей, чьи волосы теперь отливали медью и были намного короче. Андрей немного расстроился, что чудесного преображения не случилось – это была все та же Настя с тяжелым подбородком и длинным носом, вот только рыжий цвет немного смягчал черты.

– Отлично! – Андрей поднял оба больших пальца. – Супер! Что ты делаешь сегодня вечером?

Но прежде чем Настя ответила, он улизнул.

Он вышел на Цветной бульвар и с удивлением открыл для себя дневную Москву. Оказалось, что множество народу то ли не ходит на работу, то ли пренебрегает служебными обязанностями. Одно дело – подростки и мамы с детьми, но вокруг было полно людей его возраста, и все они выглядели отнюдь не так, будто ждут важного звонка. Их лица были светлы, они казались счастливыми. И они ничем не занимались.

Андрей прошелся вперед, к Трубной. По дороге заметил девушку, очень симпатичную, стильно одетую, с дорогой сумкой (Андрей всегда обращал внимание на детали), в отличных туфлях. Она с аппетитом уминала нечто в пластмассовой лотке.

– Простите, а что вы едите? – поинтересовался он.

Вблизи девушка была еще лучше: выющиеся темные волосы, гладкая светлая кожа, большие рыжие глаза.

– Это картошка, – не без удивления пояснила девушка. – «Крошка-картошка» называется.

– А где вы ее купили?

– Вон там, – она кивнула в сторону перекрестка.

Андрею не хотелось уходить. Ему нравилась эта девушка. Не терпелось узнать, отчего она, в таких туфлях, с такой сумкой, запросто сидит на бульваре, ест какую-то дрянь... И не

желает ли она пообедать в хорошем ресторане... Но он боялся, что своим приглашением – таким правильным, таким удобным – разрушит таинственную гармонию, которую представляют собой девушка, бульвар, это месиво в лотке и даже он сам.

Андрей перевел взгляд на книгу, которую она читала. Девушка посмотрела туда же, потом на Андрея и скуксилась – видимо, разгадала его маневр: завести речь о литературе, устроиться рядом, заманить ее, если не в ресторан, то в кафе...

– Ладно, спасибо, – поблагодарил Андрей и ушел.

На полпути обернулся – девушка все еще смотрела ему вслед.

В кафе, где продавалась «Крошка-картошка», все было такое... неизысканное. С трудом подавив желание удрать в ближайший ресторан, Андрей не без брезгливости выбрал несколько заправок (кажется, слишком много), забрал у продавщицы пакет и направился к бульвару. Устроившись на лавочке, разложив, словно бож (по его собственному, Андрея, мнению), имущество, открыл лоточек и не без опаски попробовал еду. Оказалось, что ничего страшного нет – картошка, сосиски, огурцы... Обычная пища.

Андрей, правда, отвык от обычной еды – даже хорошие итальянские рестораны представлялись ему заурядными. Незаметно он стал гурманом, и вопрос, куда пойти поужинать, постепенно превращался в настоящую проблему.

Он и не заметил, как проглотил всю картошку без остатка, запил фантой, которую считал убийцей, и решил, что в этом есть своеобразный кайф. Наверное, его секретарша Настя ходит сюда обедать.

Зазвонил телефон. Андрей испугался. Сейчас он пребывал в замечательном измерении, где люди перед выходом на работу обкуриваются первосортной голландской травой, отправляют секретарш менять цвет волос, знакомятся на бульварах с девушками и пожирают дешевую быструю еду. Звонок наверняка был из другого мира – от какого-нибудь хлыща в стильном кабинете. Такого же, как и он сам.

Даша.

– Привет, – с привычной усталостью в голосе: «Дорогая, я тебе страшно рад, но ты не вовремя, у меня переговоры», – ответил он.

– Масечка, ты занят? – Дашин голосок звенел так чисто и невинно, что Андрей на секунду вышел из себя.

Он любил голоса с хрипотцой, с предысторией, с намеком.

Черт!

Какая же красавица Алина!

– Даш, перезвони ровно через минуту! – ответил он и отключился.

Записная книжка... Так и есть! Никакой Алины.

Он должен познакомиться с ней... в пятницу! Рассуждения давались сытому Андрею нелегко. Если он познакомится с Алиной в эту пятницу, значит, Даша живет у него. А если Даша живет у него, то где она была утром?

Андрей поспешно набрал домашний номер.

– Татьяна Ивановна, это я, – представился он. – Скажите, а Даша была, когда вы пришли?

– Она в половине восьмого ушла в спортзал, – доложила Татьяна.

– Ах, ну да, ну да...

Андрей вспомнил. Вот, что его бесило в Даше! Она жаворонок. Просыпается в семь утра. Если он спит до полудня, она бродит вокруг, целует его в нос, щекочет за ухом... Она искренне верит, что нельзя так долго спать, что нужно с улыбкой встречать новый день на рассвете, радоваться всякой фигне типа солнышка, ветерка, листочков...

Телефон опять устроил попытку – разразился песней Мадонны. Мадонна сейчас была ему не в кайф.

– Как позанималась? – поинтересовался Андрей.

Даша принялась что-то лопотать, но он уже целиком сосредоточился на ненависти к ней. Совсем скоро, в конце недели, ему придется наврать ей, что он уезжает в командировку, и тогда...

Андрей словно окаменел.

Это начало. Начало того самого, что случится с ним потом. Ужас. Мрак. Безысходность.

Значит, не надо ругаться с Дашей. Не надо выгонять ее из дома. Даша – хорошая. Даша – луч света.

– Андрей! – звала трубка.

– Дашка, а давай смотаемся куда-нибудь на выходные, – предложил он. – К Сереге можно.

Он не знакомил ее с друзьями. То есть время от времени они случайно пересекались, но Андрей не водил ее в гости, не приглашал в клубы... Он знал, что с Дашей будет скучно. И что с ней он не сможет приударить за очередной сексапильной девицей, с которой все произойдет как в первый раз.

Даша там, в трубке, притихла.

– К Сереге? – промямлила она. – Это твой знакомый банкир?

Даша знала, что Сережа устраивает у себя за городом вечеринки, о которых потом говорит вся Москва. Ничего особенного – ни разврата, ни наркотиков, ни стриптизерш, но к нему стекается избранная публика, у него Андрей считал за честь появиться. Один. Или с молоденькой моделью, которая еще плохо разбирается в нулях и рангах.

По законам жанра Сергей не должен был привечать Андрея, наемного работника в известной, но все-таки не очень влиятельной компании. Но они дружили с института, и Андрей прокручивал деньги корпорации в банке Сергея – всем этим он заслужил некое подобие дружбы, шарж на дружбу, но он принимал ее, пусть и с затаенной обидой и с оговоркой «я еще всем покажу».

– А он не будет против? – Даша оробела.

– Что за чушь! – возмутился Андрей. – Так мы поедem?

– Конечно! – голос Даши потеплел.

Андрей физически почувствовал ее смущение и благодарность, и ему даже неловко стало за то, как мало ей от него надо.

– Форма одежды – парадная, – брякнул он и отключил звук на телефоне.

Его сморило. Хотелось прилечь на лавочку и поспать. И Андрей с ужасом и смущением понял, что уже делает это – ложится, закрывает глаза, подставив лицо припекающему солнцу и все еще прохладному ветру.

Он, генеральный директор известной компании, значительная персона, лежит на лавке в обедках «Крошки-картошки» и кайфует.

Наверное, Андрей заснул, потому что, когда он наконец расклеил веки, на животе у него лежала книга. Очень похожая на ту, что читала девушка на Цветном. Андрей посмотрел на обложку. «Американские боги». Нил Гейман.

Он давно не читал. Говорил, что нет времени, но обманывал. Было время, было, но он нарочно уверял всех, что очень занят, круглые сутки занят – потому что книги заставили бы его думать, а думать не хотелось. Хотелось просто жить. Книги помогают оценивать не только мир, но и себя, а вот этого Панов всеми силами старался избежать.

Все будет хорошо. У него есть полгода, чтобы все исправить, понять, почему он ошибался, взять свою жизнь под жесткий контроль. А что, если жениться на Даше? Она станет о нем заботиться, а ему будет к кому возвращаться... Они построят дом, купят собаку, и у него, Андрея Панова, появятся новые ценности... Говорят, дети людей меняют.

Андрей, конечно, не то чтобы разочаровался в прежних ценностях, но он хорошо получил по голове, и он, наверное, единственный человек в мире, который на все сто процентов осознал смысл выражения «второй шанс».

Глава 3

На выходные загородный дом Сергея превратился в галерею. Были художники – одни нормальные, другие – с причудами, с подвывертом, третьи – уважаемые, признанные, с буржуазными замашками.

– Каждый свой холст я окропил... – бормотал художник с причудами, разглядывая две свои картины – портреты полуобнаженных дам.

Девушка лет тридцати, журналистка, с недоумением взирала на него сверху вниз – художник вряд ли доставал ей до плеч.

– Могу и ваш портрет нарисовать, – уверял он журналистку. – Только вот нужно окропить... Художник и муза, тесная связь, единение...

Журналистка, уловившая наконец его мысль, расхохоталась, похлопала портретиста по плечу и присоединилась к компании знакомых, среди которых был и нормальный художник.

Тот с удивлением разглядывал стопку с дорогой водкой (третью по счету).

– Да я вчера только приехал из Серпухова, – говорил он известному писателю, который рассказал, что видел дома у одного влиятельного политика его картину. – Выставка вчера была. А у меня там баня, сосны... Мастерскую построил, да... На природе так хорошо работается! В Москве я не могу. В Москве только пить...

– Да я же не Никас! – возмущался неподалеку известный авангардист. – Я же не пойду к Лужкову с портретом: «Вот смотрите, царь-батюшка, как я вас симпатично нарисовал!» Никас же не художник, он – пластический хирург! Там подрезал, здесь замазал...

– И получает столько же! – усмехался литературный критик, который никуда не выходил без сопровождения двух гладеньких юнцов. Всегда разных.

– Ну, знаешь! – фыркнул авангардист. – Зато меня японцы покупают сериями. Йоко Оно, кстати, купила. Я бы ей картину подарил, конечно, но она же через галерею – пришла и купила... Ты ведь меня знаешь – я ля-ля не развожу. Надо вообще переезжать туда, но очко играет...

Были богемные девушки в эксцентричных нарядах – их непохожесть на фифочек с пластмассовой грудью привлекала офисный народец. Менеджеры, деловые люди, владельцы производств и предприятий с восторгом разглядывали симпатичные мордашки, украшенные странными шляпками, и удивлялись, выяснив, что за большинством красоток стоят богатые отцы со связями в высших эшелонах власти.

У красоток были влиятельные друзья, которые не ухаживали, конечно, за столь оригинальными особами, но ничего не имели против богемной свиты, которую возили за собой по всему свету.

Были и актрисы, и балерины, и артисты мюзиклов, и писатели с писательницами – и все они казались милыми, симпатичными, обаятельными, необыкновенными.

Новички, впервые или случайно попавшие на прием к Сергею, тушевались и робели – их представление об избранном обществе все еще ограничивалось системой ценностей журнала «GQ», помноженной на откровения Оксаны Робски: они-то думали, что «все крутые» вечно пропадают в бермудском треугольнике «Дягилев» – «Симачев-бар» – Третьяковский проезд, где и знакомятся с девушками, чей образ сложился на основе постеров журнала «Плейбой».

Сергей являлся для всех непререкаемым авторитетом. Ему было всего тридцать пять, а его банк уже стал частью холдинга, который владел медиаресурсами, несколькими салонами очень дорогих автомобилей, торговал предметами роскоши, имел собственный ювелирный завод и фабрику косметики. Холдингом вместе с партнерами владел отец Сергея, но банк сын создал сам, с нуля, хоть и оперировал доходами отца и партнеров.

Мать Сергея была известной художницей, бабушка – легендарной художницей, чьи плакаты до сих пор раскупали на сувениры. Отсюда и его интерес к искусствам, и дружба с богемой, и меценатство.

В ближний круг, насчитывающий человек триста, Сергей не пускал кого попало – он тщательно отбирал знакомых, отсекая людей случайных, которыми движет лишь вульгарная ненасытность и праздное любопытство.

Андрей крепко держался за однокурсника – он знал, что не заслужил этого общества, что его здесь терпят из деликатности. Он не был остроумным собеседником, неважно разбирался в искусстве и литературе, выделялся слишком откровенными замашками яппи и считался слишком буржуазным.

Но его тянуло сюда, в яркую толпу законченных эксцентриков (если не сказать сумасшедших) – людей талантливых, образованных, интересных.

В эту субботу он злился на Дашу за то, что сам себя принудил взять ее на эту вечеринку. Даша будет в шоке. Даша растеряется. Даша будет ходить за ним по пятам и молчать. Она слеплена из другого теста.

Андрей курил дурь во вторник, среду и четверг. Курил умеренно, соображал, ходил на работу, но реальность тем не менее представляла в тумане фальшивой легкости, несбыточных надежд и той обманчивой радужности бытия, которую дарит марихуана.

В пятницу он сообразил, что больше жить под гнетом самообмана нельзя. Отрезвление прошло мучительно. Андрей лежал на диване, смотрел телевизор и отказывался думать о том, куда завела его жизнь. То и дело поблизости мелькала Даша, которая якобы берегла его покой, а на деле каждые пять минут спрашивала, что такого сделать для его счастья.

«Заткнуться!» – мечтал Андрей, в полной мере ощутивший жуть страдания тех, кого истязали древней пыткой – сажали под кран или что там было в древности, из чего на макушку текла вода. Медленно, по капельке.

Без скандала не обошлось. Парадная форма одежды, о которой сдуру упомянул Андрей, в Дашином представлении выглядела как настоящее вечернее платье в пол, с открытой спиной, плюс туфли на шпильке, дорогая сумочка-клатч. В таком виде можно заявиться на вечер в честь присуждения Нобелевских премий, в оперу, на благотворительный прием к Горбачеву, но уж точно не на вечеринку Сергея. Даша смотрелась бы там белой вороной.

– Даш... гм-м... а что у тебя еще есть из одежды? – поинтересовался Андрей.

Даша обиделась.

– Да надевай что хочешь! – кричал он. – Говно вопрос! Только я никуда не поеду!

Она расплакалась, несказанно обрадовав Андрея, – пафосный вечерний грим был окончательно испорчен.

Андрей засунул Дашу в машину и отвез в магазин «умной» английской одежды, где купил ей подходящее платье. Даша нарядом осталась недовольна – у нее был консервативный вкус, что Андрей считал отсутствием вкуса – все простенькое, без изюминки, бежевое, голубое и белое.

У Сергея было шумно. Играла молодая рок-группа, богемные девицы выплясывали на террасе, три рэппера – два известных и один начинающий – организовали спонтанную битву фристайл.

Даша первая разглядела знакомых – обнялась с девушкой в винтажном бальном платье, с которой, как выяснилось, ходила в колледж. Андрей был возмущен (тем, что Даша здесь, оказывается, не чужая), но несколько успокоился, когда девица попыталась склеить его на террасе.

– Привет! – Пьяный, но не чрезмерно, Сергей обнял его и похлопал по спине. – А, Дашк, давно не виделись, – мимоходом произнес он, клюнул ее в щеку и предложил вина.

– Вы знакомы? – удивился Андрей.

– Сто лет! – кивнул Сергей. – Помнишь, как ты не пустила меня на день рождения потому, что я трех трансвеститов притащил? – хохотнул он, обращаясь к Даше. – Ты чего, с ума сошел? – прошипел он на ухо Андрею, оттащив его в сторону. – Это же зануда номер один!

– Да ладно, Сереж... – отмахнулся Андрей. – Типа скромная приличная девушка. Чего плохого?

– Ой! – испугался Сергей. – Не узнаю тебя! Я, наверное, пропустил момент... в туалет вышел... когда тебе заменили мозг на чип от общества призрения сирых и убогих.

– Слушай... – Андрей затолкал Сергея в туалет. – У меня типа проблемы.

– Проблемы – это фигня какая-то! – заявил Сергей.

– Не то что бы проблемы... – Андрей развел руками. – Ну... Мне тридцать пять. И что? Сергей не понимал.

Андрей присел на край биде – унитаз занял банкир.

– Куда я иду?

– Ой, бл... – поморщился Сережа.

– Да не «ой, бл...», а это реальная фигня! – разозлился Андрей, который знал то, чего Сергей не знал, но поделиться с ним не мог.

– Скажи мне, что хочешь жениться, и что Даша будет хорошей женой, и я, так и быть, дам тебе телефон своего психотерапевта, – сказал Сережа.

– Серый, ты говнюк! – обиделся Андрей.

– Ты не выживешь рядом с ней, – заверил бывший однокурсник. – Она тебя погубит.

– И что ты предлагаешь?!

– Есть одна тема. Пойдем на кухню, чаю попьем.

Они пробрались на кухню, заперли дверь и устроились за длинным столом.

– Андрюха, у тебя кризис самоидентификации, – сообщил Сергей, налив себе чаю.

– Да я так сразу и понял, – согласился Андрей, рассматривая кружку с чаем.

– Не надо разбазаривать и так-то небогатый запас остроумия! – огрызнулся Сережа. – У меня к тебе серьезный разговор.

– Да ты чего? – хмыкнул Андрей.

– Есть люди. Они тобой интересуются, – многозначительно произнес Сергей.

Стоп!

Андрей оторвал взгляд от столешницы и заглянул банкиру в глаза. Он уже слышал эту фразу.

На этот раз она не произвела на него большого впечатления. Он и жаловаться-то Сереге начал лишь потому, что хотел оправдаться за Дашу, пытался изобразить внутренний кризис – тогда бы Сергей его пожалел и не стал пенять на то, что он приволок девицу, которая покрывается язвами, услышав матерное или околосматерное слово.

Обратная последовательность. Механизм саморазрушения нарушен.

Позавчера член совета директоров, совладелец фирмы, в прошлой жизни Андрея должен был приехать на работу на «Ламборгини». На новой «Ламборгини».

Все машины Андрея куплены через вторые руки – он пока не мог себе позволить настоящий взрослый автопарк.

Андрей помнил приступ острой зависти – его душа рухнула как подкошенная и корчилась от боли, а он, Андрей, взирал на нее с презрением и сожалением о том, что ему досталась такая жалкая и никчемная душонка.

Совладелец был младше его на три года – умный, талантливый мальчик, золотая голова, жених знаменитой телеведущей.

Вчера Андрей должен был встретить Алину. Тогда, в его прежней жизни, ночью, на ее кухне, куда она отправила его за апельсиновым соком, Андрей некоторое время стоял со стаканом в руке, уставившись на старинный буфет, на мраморную столешницу, на бронзовую

люстру, и думал о том, что нет у него привычки к роскоши. Благородной привычки. Не капризов зажавшегося баловня, а нравственных страданий при виде чего-то дешевого и некрасивого.

Вошла она.

Андрей тогда вожделел и проникал не в Алину – он брал сладкую жизнь: жадно, агрессивно, неутомимо. Он рвался к мечте.

На следующий день, на этой самой вечеринке у Сергея, куда тот пригласил его в последнее мгновение (но, проживая жизнь заново, Андрей еще в понедельник знал, что в пятницу банкир его позовет), приятель должен был сделать ему заманчивое предложение. Предложение, которое должно было вознести его к мечте.

Андрей жаловался тогда, что хочет дом за полтора миллиона. А год назад – чистая правда – он мечтал всего лишь о квартире за пятьсот тысяч. И когда Сергей предложил сделку, он не верил собственному счастью. Его даже вырвало от волнения, перед тем, как он отправился на подписание договора. Кредит ему выдал банк Сергея.

Сукин сын! Он ведь ловко разыграл эту подставу. Не зря ходит к психотерапевту – знает, на какие точки давить.

О'кей. Он, Андрей, будет сидеть дома, злиться на Дашу, растолстеет, купит эту гребаную собаку... Он будет жить.

На плечи давило. Бетонная плита, рухнувшая на него несколько дней назад, теперь удобно лежала на горбу.

Андрей не хотел так жить. Наверное, он просто слишком испугался и теперь перестраховывается. Сделки с Сергеем-двурушником это не касалось. Здесь все прозрачно.

Андрей выслушал Сергея и сказал, что подумает. Пусть этот гаденыш помучается. Точнее – сначала порадуется, а потом – помучается.

Оставив Сергея в недоумении (которое тот неумело скрывал), Андрей выбрался из кухни и разыскал Дашу, терзаемую художником, что «опрыскивал» картины. Судя по ужасу на лице девушки, художник-маньяк предложил ей все, что описал маркиз де Сад, и, возможно, добавил еще от себя.

Но выяснилось, что пьяненький художник держался скромно – он всего лишь рассказывал Даше о значении длины половых членов в истории искусства.

– Вы бы видели, какие у Кунса фаллосы! – восторгался художник.

– Простите, – Андрей улыбнулся и притянул Дашу к себе.

– Андрей, как это понимать? – лепетала она.

Он старался не реагировать на ее слова. Как понимать?! Как пьяный бред талантливого психопата, которого надо было осадить с самого начала! «Тебе двадцать семь лет, дочка!» – хотелось рявкнуть ему.

– Даша, стой тут, я выпить принесу, – сказал он.

– Не бросай меня! – Даша схватила его за руку.

– Видишь девушку в платье цвета морской волны? – спросил он. Даша кивнула. – Она тебе кажется подозрительной? – Даша помотала головой. – Это писательница Маша Царева, замужем, есть ребенок, – Андрей считал, что наличие мужа и детей успокоит Дашу. Он подвел ее к писательнице. – Маша, привет, я Андрей, мы с вашим мужем и Коротковыми, помните, сидели в «Чипполино»... – Маша помнила. – Это моя девушка Даша, она обожает ваши книги. Я ее на минутку с вами оставляю.

И, не глядя на Дашу, не оборачиваясь, Андрей сбежал к бару, роль которого играла столовая.

– Прочитали?

Он даже не сразу понял, что это к нему обращаются. Обернулся. Та самая девушка с бульвара.

– О, привет... – вдруг смутился он.

Девушка была прекрасна. Пышная юбка-пачка серого цвета, дымчатая. Небесно-голубой свитер без рукавов с высоким горлом. Стекланные бусы. И белая искусственная роза в волосах, как у испанки, Карменситы...

– Понравилось? – спросила девушка.

– Что?

Выражение лица у него, наверное, было самое что ни на есть идиотское.

– «Американские боги». Книга.

У нее были такие красивые скулы... Андрей даже и не думал, что скулы могут завораживать.

– Книга? Ах, книга! Так это вы ее оставили? – воскликнул он.

– Ну да, – кивнула она.

– Здорово! Так... прикольно! – О боже, он произнес это детское слово! – Вам не жалко было?

– В тот момент – нет. Вы так забавно спали там, на скамейке. Я решила, что такому человеку пригодится хорошая книга. К тому же я тогда ее только прочитала и мне хотелось поделиться впечатлениями.

– А я похож на человека, которому пригодится хорошая книга? – Андрей задавал один дурацкий вопрос за другим и тут же стыдился этого.

Но девушка только усмехнулась.

– Вы все сами поймете, – сказала она и ушла.

Андрей видел, как она уходила, и колыхалась юбка-пачка, и изгибалась спина, и стучали каблук, обтянутые серебристой кожей... Она была прекрасна. Может, конечно, обычная дура, которая хочет произвести впечатление, но...

Андрей принес Даше вино, себе – виски, но настроение уже было не компанейское.

– Хочешь домой? – спросил он у нее.

– А ты? – в ее глазах была мольба.

А ведь Даша единственная, кто не бросил бы его... тогда. В той жизни. Если бы он ее не сломал. Ей, наверное, тоже было больно – только он об этом ничего не хотел знать. Неожиданно он ощутил щемящую благодарность. Она сказала только:

– Э-э... Так мы не поедem на MTV?

Тем вечером вручали кинонаграды.

Андрей обнял Дашу, поцеловал в макушку. Даша обмякла, а он поймал взгляд той самой девушки. Она смотрела сквозь него.

Глава 4

Без четверти восемь солнце уже скрылось за горизонтом.

* * *

В это время на Сухаревской площади, во втором подъезде дома, выходящего на Садовое кольцо, сценарист Александр Гинзбург поставил последнюю точку в рукописи и крупными буквами написал КОНЕЦ. Одновременно он испытывал и облегчение, и подъем. Александр любил это чувство – ты уходишь от чего-то прекрасного, чтобы встретиться с удивительным.

Он получит деньги, уедет в... Марокко, а вернется к началу съемок, и будут артисты, режиссер – его друг, и суета, и невроз, и творческий катарсис... Сценарист Гинзбург был счастлив. Сейчас он позвонит своей девушке (она ждет звонка), и они отметят финал в их любимом ресторане.

* * *

Ровно в ту же минуту на Пашу Сорокина, журналиста, подвизавшегося на освещении международных конфликтов, бросилась девушка, за которой он заехал, чтобы забрать ее и угостить в кафе ужином. С девушкой он встречался уже пятый раз, и все было серьезно, только вот Паша никак не мог взять в толк, как же она к нему относится.

Девушка обняла, поцеловала Пашу, прижалась и сказала, что очень его хочет. Паша пробормотал, что он все не так себе представлял. Девушка ответила, что это не просто секс, что она не хочет кино, не хочет кафе, а хочет только Пашу – она это поняла, и она его, наверное, любит.

* * *

В семь часов сорок шесть минут студентка последнего курса юридической академии Наташа ударила ногой по кровати своего любовника и заявила, что он жлоб и козел. Любовник сделал вид, что не понимает, о чем речь, что он не готов к очередной женской истерике. Наташа ответила, что перед тем, как спать с кем попало, надо было подготовиться к тому, что его схватят за задницу, а то он выступает не только жлобом, козлом, но еще и тупицей. Она собрала вещи, а когда уже была в дверях, любовник наконец осознал, что происходит, и попытался ее удержать. Наташа заявила ему, что он глупый, жадный, перестал за ней ухаживать, а секса у них не было с ее прошлых месячных – теперь она знает почему. Наташа ехала в лифте и радовалась, что избавилась от обременительных отношений с человеком, с которым у нее нет ничего общего.

* * *

В семь сорок семь Лере, проститутке, дежурившей на Ленинградском шоссе, позвонила тетка из Нарофоминска и сказала, что умер отец.

Это было неожиданное, незаслуженное счастье. Мать Леры погубил рак, когда девочке было три года, ее воспитывала бабушка, сошедшая с ума накануне Лериного тринадцатилетия. Отец с трудом узнавал дочь – все эти годы он пил, отбирая у бабушки пенсию. Однажды отец не узнал Леру и попытался ее изнасиловать. Не получилось – к тому времени он уже ходил

под себя и целыми днями спал, как многие пьяницы, а потому был немощен и неуклюж. Лера убежала из дома и в итоге оказалась здесь, на трассе. К счастью, квартира все еще была государственной, и прописана там только она, Лера.

* * *

Жизнь продолжалась. Повсюду люди встречались, влюблялись, расставались, веселились, грустили... Андрей Панов завидовал всем – за то, что они не знают, что будет завтра, а потому имеют полное право ошибаться.

Вместе с Дашей он сидел за столом в доме ее родителей – и это было самое унылое воскресенье в его жизни. Хотя, конечно, случались в его жизни разные эпизоды, однажды он провел выходные в аэропорту Хитроу... были ночи без сна на работе, как-то раз он отметил собственный день рождения в пробке на Рублевском шоссе... Но тогда было хоть занято.

А сейчас его арестовало семейство из рекламы бульонных кубиков – и каждая новая секунда падала и разбивалась вдребезги, со звоном напоминая о бездарно потерянном времени.

Андрей не считал себя эстетом, но он умел слушать и учиться.

Он узнал, что нельзя помыкать домработницей.

Что хайтек – дурной тон.

Что бильярдная в загородном доме – пошлость.

В доме Дашиных родителей все говорило об отсутствии вкуса и о чрезмерных претензиях. Отсутствие вкуса вынудило хозяев обставить дом в бежевых тонах, претензии – восполнить недостаток фантазии стоимостью вещей. Каждое окно покрывало такое количество дорогой материи, что его хватило бы на занавес для Большого театра, а от излишества бахромы, золотого шитья, кистей на витых шнурах рябило в глазах. Мебель была одновременно и резной, и инкрустированной, и расписной, а именные диваны, ценой в автомобиль экономкласса, по старой мещанской традиции накрыли тряпочками и пледами – чтобы гости задницами дыры не протерли. Не хватало только застелить ковры пленкой или скатать, чтобы не затоптали.

Андрею, который приехал в костюме, при галстук и в лучших ботинках от «Берлутти», выдали тапочки, и он чувствовал себя так глупо, что стеснялся встать из-за стола.

– Выдвигаюсь на следующее место, сразу ставлю незацепляйку на офсете, потому что место очень зацепистое было по осени. Первый заброс – первый внятный удар! Вытаскиваю виброхвост – следы хорошие есть, а рыбы – нет. Зацепляйка-то нормальная, но ничего не цепляет! – Отец Даши, Владимир Олегович, сделал драматическую паузу, заглянув в глаза каждому слушателю. – Быстренько меняю на свой стандарт: чебурашка, двойник, виброхвост и второй заброс – первый судачок!

Однажды в Лондоне Андрей познакомился с немой девушкой. Они гуляли весь день и провели замечательную ночь у нее в Кэмдоне, в домике, похожем на тысячи других в округе. Они объяснялись жестами, пантомимой, записками. Он ни с кем не был так близок, никого не хотел понять так, как ее. И ему казалось, что он рассказал ей всю свою жизнь – ведь девушка в прямом смысле понимала его с полуслова. Читала взгляды. Всем сердцем улавливала интонации. С ней он слышал как растет трава и как плывут облака.

Отца Даши он не мог понять, хоть в самом начале и нафантазировал себе уютный семейный вечер. Настроился даже смотреть фотографии.

За один вечер Андрей выслушал столько историй о рыбалке, сколько не узнал за всю свою жизнь. Он зевал, скучал, разглядывал тарелку, но воодушевленный папаша то ли не мог поверить, что кого-то действительно не интересует рыбная ловля, то ли его это не волновало. Наверное, он привык считаться только со своими интересами. А это значит, что он либо очень

влиятельный человек, либо ни с кем не общается. Скорее второе – отец Даши выпускал мебель, а это хоть и выгодно, но вряд ли приближает к истинной власти.

– Андрей, налить тебе лимонад? Андрей! Лимонада хочешь? – разволновалась Даша.

– А? Что? – вздрогнул Андрей, которого ее голос вывел из оцепенения.

– Тебя папа совсем заговорил? – улыбкой она словно извинялась.

– Даша... – укорила ее мать.

Папаша, кажется, намеревался всерьез обидеться.

– Нет, что вы! – воскликнул Андрей и замахал руками. – Мне безумно интересно! Я очарован!

– Как жаль, что вы не останетесь, – в который раз заметила мать Даши, Ольга Анатольевна.

Здесь правил возрастной шовинизм. Женщина за сорок превращалась в даму с именем-отчеством, имела право носить на себе лишних двадцать килограммов и с вдохновением рассказывать о врачах.

С самого начала она до смерти измотала Андрея легендами о каких-то остеопатах, которые вылечили ее от всего.

Отец, мужчина пятидесяти лет, считался неоспоримым авторитетом, и все гости плясали под его дудку.

Он заставил Андрея пробовать какую-то особенную селедку. Селедку Андрей не выносил. Наверное, от него теперь разит луком, так как без лука селедку есть не положено – это же все знают.

Андрей посмотрел триста семнадцать фотографий с рыбалки на Мальдивах – шесть взрослых грузных мужчин и морская гладь во всех возможных вариациях. Мальдивы в кадр не попали.

Андрей посетил мастерскую, где Владимир Олегович хвастался инструментами, в которых Андрей ровным счетом ничего не понимал и понимать не желал.

«Может, они хорошие», – с отчаянием думал Андрей, покуривая на балконе под причитания Ольги Анатольевны о вреде курения.

– Андрюша, вы много курите? – переживала она.

– Достаточно, чтобы рак легких убил меня раньше чем Альцгеймер, – ответил он, выпустив дым.

Ольга Анатольевна сокрушенно покачала головой.

Последние две недели Андрей был сам себе противен. Он выслуживался на работе. Был мил, заботлив и человечен. Наверное, со стороны казалось, что он вступил в секту адвентистов седьмого дня.

Ему трудно было хорошо относиться к людям. Он их не любил. Не понимал, почему их всех устраивает жалкое существование: работа с девяти до шести, почему им хорошо, когда они смотрят телевизор и жрут креветки с пивом, почему не видят залысины и привыкают к рыхлому брюшку, почему считают, что для того, чтобы остепениться, надо жениться, и что такое вообще это самое «остепениться»?...

Андрей не считал себя метросексуалом.

– Метросексуал – это гомосексуалист, который занимается сексом с женщинами, – сказал однажды его знакомый гей. Друг Алины.

Метросексуалы были злые и выглядели «слишком». Загар, зубы, бархатный пиджак, волосок к волоску, бабские капризы, истерики, охи и ахи насчет новых революционных носков от «Прада»... Андрею было смешно. Он нашел себя в продуманной небрежности, иллюзорном невнимании к вещам, в выверенной естественности.

Он презирал людей уже за то, что те плохо выглядят, носят стоптанные мокасины или же не задумываются о том, какой портфель выбрать.

И вот он попал в засаду с теми, кого на дух не выносил – с патриархами отечественного мещанства, апологетами среднего класса, которые только и мечтают, что о баньке на свежем воздухе, о шашлычке из баранины, словом «вегетарианец» в их кругу можно смутить дам, а анекдоты из серии «возвращается муж из командировки» или про тещу придуманы нарочно для них.

Даша, конечно, немного отличалась от мамы с папой. Выяснилось, что она не такая бука, какой представлялась. Одевалась она, разумеется, кошмарно – джинсы, простая белая рубашка, пиджачок без затей в офисном стиле, туфли на среднем каблуке – нечто старушечье, коричневое или бежевое.

Но и она, оказывается, выходит в свет.

Неделю назад они побывали на выставке. Автор, приятель Дашиного папы, рисовал портреты, пейзажи и натюрморты – классический набор для гостиной, бильярдной и столовой. Видимо, некто в мэрии именно так и понимал искусство – количество световых бликов на груше оставило столь глубокий след в душе какого-то чиновника, что тот организовал музей имени Автора. Не такой, как у Церетели, и послабее, чем у Шилова, но все же в центре, и с выставками в Манеже, и со школой искусств.

Художник показался Андрею педантом и технарем, но кругом ходили его расфуфыренные поклонники, так что Панов приберег критику на десерт.

Андрей часто появлялся в модных продвинутых галереях. И туда наряжались. Но оригинальные платья были продолжением творческого эго, а их обладательницы не выглядели как арабские жены, таскающие на себе все самое ценное на случай непредвиденного развода.

Даша была знакома со многими. Она представила Андрея супруге чиновника-благотелья, которая так разволновалась, дебютировав в роли гранд-дамы, что держалась напряженно и высокомерно. Кроме изысканных манер, дама отличалась необыкновенным нарядом, сшитым, видимо, из той же парчи, что пошла на шторы в доме Дашиных родителей. Золото, много золота, странный покрой, как будто к квадрату пришили юбку-трапецию, и прямоугольники-рукава, а круглый воротник украсили жгутом из того же материала.

Андрея она удостоила беглым взглядом.

– Дашенька, как папочка с мамочкой поживают? – спросила дама, взяв Дашу за ручку.

– Ой, спасибо, хорошо, – Даша расплылась в улыбке. – Передавали вам привет. Мама что-то приболела, не смогла прийти. Выставка замечательная! Андрей, тебе нравится?

Андрей пожал плечами.

Гранд-дама буравила его взглядом.

– Что, молодой человек – не большой ценитель искусства? – дама обратилась к Даше, будто Андрей был маленьким ребенком, который не отвечает за свои слова.

– Ну, да... – смутилась Даша.

– Нет, ну почему же! – встрял Андрей. – Я очень люблю искусство. Но только здесь я его что-то не замечаю.

Больше всего его вывело из себя то, что дама не обратила на его слова ни малейшего внимания. Видимо, его приняли за крепостного, за смерда, который носит ридикюль барышни, пока та развлекается в свете.

– Простите... – Андрей тронул даму за локоток. – Мне очень неловко... Наверное, мне не стоило высказывать свое мнение... А уж тем более в обществе такого признанного ценителя живописи... Признанного мировым сообществом... Извините, бога ради, но можно ваш автограф? – Он уже вынимал из сумки белый пригласительный и ручку. – Галина Павловна, не откажите!

Повисла тягостная пауза.

– Елена Иннокентьевна... – прошептала Даша.

– Какая Галина Павловна? – вдрогнула дама.

– Вишневская... – забормотал Андрей. – А разве вы не Вишневская?
Шутка была старая и глупая, но Елена Иннокентьевна купилась.

Даша позеленела и утащила Андрея в угол, где тот, по ее мнению, не мог никому навредить. Андрей кусал ногти, умирая от желания покурить, пока Даша отчитывала его за дурное поведение.

Но и там их разыскали ее настырные знакомые. Девушка Дашиного возраста, о чем невозможно было догадаться, так как она сделала все, чтобы выглядеть на сорок. Строгий коричневый костюм, жилетка, блузка кисельного цвета и сумка «прощай, молодость». Рядом с ней топтался молодой человек, с волосами, которые выдавали его главный секрет – он никогда не смотрелся в зеркало.

– Андрей, – расслабилась наконец Даша. – Это Оля, мы с ней в институте учились! Андрей работает в группе компаний «Маклай».

– Очень интересно, – с выражением тюремной надзирательницы произнесла Ольга. Она порылась в сумочке, нашла визитку. – Ольга Безбородко, глава отдела рекламы и маркетинга газеты «Перспектив бизнес и инвестиционных технологий weekly».

Андрей растерялся, услышав такое заковыристое название. Ольга, видимо, несколько преувеличивала свое значение для современной экономики – поэтому ерничать он не стал, вспомнив недавнее возмущение Даши. Безбородко кивнула молодому человеку. Тот изъясился из портфеля экземпляр газеты и передал, как нечто хрупкое и очень ценное, Андрею.

– Наша газета издается тиражом пятьдесят тысяч экземпляров. Распространяется она по элитным торговым точкам, ресторанам, кафе и деловым центрам. Мы на рынке сравнительно недавно, но динамика роста, узнаваемость увеличиваются с каждым годом. Мы ведем переговоры с авиакомпаниями – хотим захватить сегмент дистрибуции в бизнес-классе и залах ожидания VIP. Нашим клиентам мы гарантируем всестороннюю поддержку, упоминая их раз в две недели, и скидки на рекламные площади при длительном сотрудничестве...

Андрей перевел глаза на Дашу. Та улыбалась и маленькими глоточками потягивала шампанское. Неужели она не понимает, что ее подруга шпарит наизусть рекламное предложение в смутной надежде на то, что Андрей, который пришел сюда развлечься и отдохнуть, купит рекламу в этой проклятой газете, чтобы только от нее отвязаться?!

Даша не понимала. Она ничего не понимала.

В прошлую субботу Даша потащила его знакомиться с подругами. Андрей вздохнул с облегчением – милые девушки, хорошо одеты, свеженькие, хоть и не без лишнего веса... Но в ожидании кесадильи он загрустил.

– Иванов мне работу предложил, – сказала одна.

– И что? – отозвалась другая.

– Не знаю, – первая пожала плечами.

– Что? Я не расслышала, – вмешалась третья.

– Иванов мне работу предложил, – с охотой повторила первая.

– А-а... И что? – заинтересовалась третья.

– Не знаю, – первая пожала плечами.

– Девушки, а кто-нибудь из вас занимался групповым сексом? – спросил Андрей.

Даша покраснела и пнула его в бок.

– Не, я серьезно, – настаивал Андрей.

Самая смелая, с лицом, напоминающим птичьё, призналась:

– Я занималась. А что?

Андрей не любил эти «а что?». Вызов? Смущение?

– Ну, просто интересно, как к этому относятся женщины, – пояснил он свой интерес. – Как это было? Два мальчика и девочка? Две девочки и мальчик? По очереди или одновременно?

Даша выскочила из-за стола. Андрей вздохнул и поплелся за ней.

– Зачем ты это делаешь? – Она действительно была готова заплакать.

– Даш, ты что, в самом деле... – укорил ее Андрей. – Что тебе не нравится?

Даша плакала.

– Послушай, это просто разговор о сексе. Легкий, забавный, светский треп... – оправдывался Андрей.

В тот вечер она его укротила. Под знаменем «Я хороший, я не злю и не обижаю людей» Андрей мило улыбался подружкам, усаживал их в такси, доставал из такси, но так и не понял, о чем они говорили весь вечер.

Даша утомляла Андрея, выводила из себя, но он решил, что она – тот самый якорь, который удержит его от выхода в открытое море разврата и сомнительных сделок, и держался за нее. Она была так уверена в собственной непогрешимости, в правильности своего образа жизни, что обманула и его.

Он даже надел жуткий клубный галстук, который она ему подарила.

– Классный галстук! – одобрил Петя, боявшийся экстравагантных вкусов Панова.

И тогда Андрей первый раз сам себя удивил. Он достал из шкафа подарок партнеров – широкое круглое блюдо, положил на него галстук, облил его заправкой для зажигалок и поджег.

– Ты охренел... – Петя по-настоящему разозлился.

Пожарная сигнализация не сработала. Галстук тушили подушкой с вышивкой «Нам десять лет. РОСБИЗНЕССТРАХКОНСАЛТИНГ», пепси-колой и землей из горшка. Петя открыл окно. Андрей закурил.

– Ты что? – возмутился Петя при виде сигареты.

– Но мы же теперь знаем, что противопожарная хрень не фурычит, – буркнул Андрей.

– Что с тобой происходит? – Петя всплеснул руками.

– Помнишь про сатану?

Петя даже дверью хлопнул.

– Что случилось? – в кабинет ворвалась Настя со стаканчиком «Магги» в руке.

– Да мы тут с Петенькой сжигали снимки, где занимаемся с ним сексом, – ухмыльнулся Андрей.

У Насти, кажется, пропал аппетит...

Вечером, сидя в машине, Андрей так и не мог ни на что решиться. Он не может ехать домой – это бесспорно.

Еще он не может заниматься сексом с Дашей.

Он не может не мечтать о новом «Ламборгини».

Не может не желать снять виллу на Лазурном берегу.

Не может жить без сапог от «Дискейрд2» за тридцать восемь тысяч рублей.

В конце концов, он хочет трахнуть Памелу Андерсон!

Он соскучился без порнушки! Откуда взяться порнофильмам, если Даша «Основной инстинкт» считает верхом неприличия?!

Он сойдет с ума. Он только что сжег свой галстук на рабочем месте. Ему нужна разрядка.

Сегодня двадцать первое апреля.

В той, прежней, жизни он уже познакомился с Алиной, подарил ей машину, заказал в салоне цветов ежеутреннюю доставку роз, переговорил с партнерами Сергея, купил мотоцикл.

А вчера было двадцатое.

* * *

Вчера он должен был в обход Алины и Даши забрать в Конькове новую знакомую и отвезти ее на Поклонную гору, как сделал это в прежней жизни...

Иногда ему нравились просто девчонки с улицы. Разумеется, хорошенькие, сексапильные, дерзкие, но все же неискушенные.

Они не показывают виду, но им льстит, если их приглашают не в «Му-му», а в приличный ресторан, катают на дорогом мотоцикле, приводят в стильную квартиру... Это была жизнь, о которой они только мечтали – пока сам Андрей мечтал о сучках, избалованных роскошью, у которых кожа круглый год пахнет солнцем и морем.

У новой знакомой по имени Таня были ржанные волосы ниже лопаток, пухлые губки, круглые голубые глаза и грудь четвертого размера – все натуральное. Она была немного дикой, но хотя бы неглупой, как большинство вот таких случайных знакомых.

Для начала они с Таней поужинали во французском ресторане, потом заехали к Андрею, где тот переоделся и заметил, что Таня готова заняться сексом прямо сейчас. Но он увез ее на гору и катал по Москве, пока она не посинела.

Странно... В прошлый раз он не придавал большого значения той истории. Он был с девушкой, они поехали кататься...

А ведь случилось кое-что значимое.

Они мчались толпой по набережной. Человек сто. Среди них был персонаж, известный, как Сникерс. Гнусный тип, нервный. Он заметил на набережной мотороллер, беспечный владелец которого скорее всего спрятался в кустах, чтобы сходить в туалет. Невесть откуда образовался внедорожник знакомых Сникерса, в который мотороллер и затолкали.

Сникерс, говорят, радовался, как дитя.

А на следующем повороте, в районе Лефортова, Сникерс не справился с крутым поворотом и вылетел из седла. Он лежал в ста метрах от места аварии, а его новенький, недельной давности «Ямаха» ценой в «Хюндай Гетс» представлял собой грудку бесполезного металлического лома.

Преступление и наказание.

Тогда Андрей с приятелями отделился от банды и они гоняли по Москве, пока головы не устали от шлемов, заскочили в «Секстон», и там Андрей познакомился с двумя сестричками – почти близняшками. Он не помнил, что именно врал Тане, но решил, что, как это принято у девушек, она сама придумает ему оправдание. Андрей отвез ее домой, пулей вернулся в клуб, подхватил близняшек и великолепно провел с ними время у себя в джакузи.

Было весело.

* * *

В этой жизни он не знал никакой Алины, не ответил на предложение Сергея, согласился с Дашей, что покупать мотоцикл – глупо и опасно, а вчера встречался с Дашей, с Петей и девушкой Пети, Леной.

Андрею Лена представлялась чем-то вроде мороженого с солью и черным перцем. Это была маленькая (метр пятьдесят два) гадкая стерва, которая ничуть не сомневалась в том, что господь дал ей право помыкать людьми.

– Петя, ну как ты зовешь официанта? Он так никогда не подойдет! – возмущалась она. – Молодой человек, мы вас ждем двадцать минут! – отчитывала она официанта, стоявшего с бесстрастным лицом. – Мне «цезарь», но без уксуса, пожалуйста, и вы это запишите, а то прошлый раз я просила без уксуса, но уксус там все равно был! Покажите! Хорошо.

– Мне лазанью... – блеял Петя.

– Лазанья у них слишком жирная! – отрезала Лена. – Мне в прошлый раз от нее стало дурно. Фетуччини с грибами, пожалуйста! И никакой лазаньи!

Андрей, разумеется, заказал лазанью.

Даша похвалила блузку Лены.

– Да, это русский дизайнер, Костя Чаландзия, он потрясающий! – Лена стреляла словами, как легендарная «Катюша». – К нему очень трудно попасть – он жену Воробьева одевает... – она небрежно упомянула имя влиятельного политика. – Но для меня он, конечно, делает исключение. Он меня обожает. Не знаю, сколько стоит, это подарок. Даш, надо нам съездить в Италию, я тебе покажу аутлеты, где можно одеться с ног до головы, но, главное, обувь! Обувь там почти бесплатно – «Прада» за сто двадцать евро, «Марк Джейкобс» за две-сти. Самые дорогие туфли от «Гуччи» – триста пятьдесят, но это все равно копейки! Я познакомилась там с одним менеджером – он мне все самое интересное откладывает. Он меня просто обожает!

Даша смотрела на Лену влюбленными глазами, Петя давился грибами, которые ненавидел с детства, а Андрей думал о том, как легко Лене жить – все ее обожают!

– Я вчера видела по телевизору программу о жертвах пластической хирургии... – Даша принялась развивать мысль, возникшую как продолжение цепочки Италия – распродажи – «Версаче» – Донателла Версаче – пластические операции.

– Да! – воскликнула Лена. – Я смотрела! Помнишь, там показывали девушку, которая говорила, что стоит один раз сделать губы – и потом не можешь остановиться? Я видела этих баб с подтяжками – вблизи все видно, если не швы, то натянутую кожу! Ужасно!

– Там еще было про этот гель... – встряла Даша.

– Кошмар! – Лена схватилась за голову. – Ну, почему они такие идиотки?! Закачивают в грудь какой-то гель, который неизвестно куда утечет, и никто не знает, что там за битое стекло в этом геле!

У Андрея разболелась голова.

– Ты права, – сказал он Лене. – С лазаньей что-то не то. Мне плохо. Даша, едем домой.

Дома Даша устроила сцену – он, мол, всегда всем недоволен. Андрей лежал, водрузив на лоб прохладную ладонь, и в который раз размышлял о том, что проще было умереть тогда, зато прожить славную, веселую, хоть и короткую жизнь.

* * *

Андрей достал из бардачка хабарик[Окурок с марихуаной или еще каким-то наркотиком (*жарг.*).], оставшийся от самокрутки с травой, сделал пару затяжек, включил наконец зажигание и тронулся с места. Спустя полчаса припарковал машину на Петровке и пошел в «Симачев-бар».

Глава 5

Яна и Тина, его подружки, с которыми он как-то раз занимался групповым сексом, пригласили Андрея за свой столик. Яна была с интересным азиатом, на которого, вопреки своим убеждениям, хотела произвести впечатление. Обычно Яне на такие вещи было наплевать – она и так знала, что всем нравится: красивая, богатая папина дочка, заместитель главного редактора глянцевого журнала.

Тина была продюсером – одним из двадцати продюсеров в киностудии известного режиссера. Умненькая и хваткая, она нравилась Андрею больше Яны.

Но сегодня она была с ухажером – молодым режиссером Антоном Качалиным.

Тот самый групповой секс был не чем-то из ряда вон выходящим – по большей части они целовались, дурачились и так хорошо проводили время в Греции, что хотелось чего-то большего, чем просто дружба. К тому же девчонкам нравилось шокировать пляжное общество – они подчеркивали, что у них один мужчина на двоих, и наслаждались собственной раскрепощенностью.

– Нет, вы только подумайте, нанотехнологи обещают, что из той гадости, которую содержит наш воздух, можно выделить молекулы чего угодно и сделать, допустим... зажигалку! – Нияз схватил со стола фиолетовый пластмассовый «Крикет» и помахал им.

– Не верю! – Настя подняла бунт. Она любила спорить.

– А «Мерседес slk» можно будет сделать из воздуха? – поинтересовалась Яна.

– Нияз, нельзя слишком серьезно относиться ко всему, что показывают на канале «Дискавери», – усмехнулась Настя.

– Нет, вы такие скептики, что мне с вами просто противно! – обиделся Нияз. – Вы еще скажите, что не существует домовых, барабашек и зеленых человечков!

Антон рассмеялся.

И тогда Андрей увидел ее. Алину. Она стояла у барной стойки. С подругой. Но вот подруга вышла в туалет, и Андрей, не соображая, что делает, встал и пошел.

Он не знал, что будет говорить. Просто подчинился импульсу.

Алина почувствовала, что этот мужчина явился по ее душу. Взгляд стал еще более томным. Грудь незаметно подалась вперед. И она стала как-то особенно пить свой коктейль, словно это был не стакан, а губы любовника.

– Привет, – сказал Андрей.

– Мы ведь незнакомы?

Алина умела как-то по-особенному смотреть в глаза собеседнику, так, что в этом взгляде было одновременно и нечто интимное, и полное безразличие.

– Вас зовут Алина, – сообщил Андрей.

– Спасибо, я знаю, – кивнула она. – Давай так договоримся – у тебя есть пять минут, чтобы меня удивить.

– Ну, просто для разминки... – он пожал плечами. – Ты спишь со своим массажистом.

Если бы некто коллекционировал эмоции, удивление Алины стало бы жемчужиной этого собрания.

В конце концов она даже открыла рот, чтобы возмутиться, вознегодовать, но на это уже не хватило сил. Алина лишь медленно покачала головой из стороны в сторону.

* * *

В прошлой жизни он их застукал. Просто повезло. В ее загородном доме, куда Андрей приехал, не выдержав разлуки в двадцать пять часов. Увидел их в окно и смылся.

Потом он даже спросил (как бы нечаянно):

– Ты мне изменяешь?

– Что за бред! – фыркнула тогда Алина. – Не веди себя как глупая ревнивая баба!

На этом разговор закончился.

* * *

В этой жизни Алина готова была провалиться сквозь землю. А Панов наслаждался ее замешательством. Он чувствовал себя всемогущим. Вершителем судеб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.